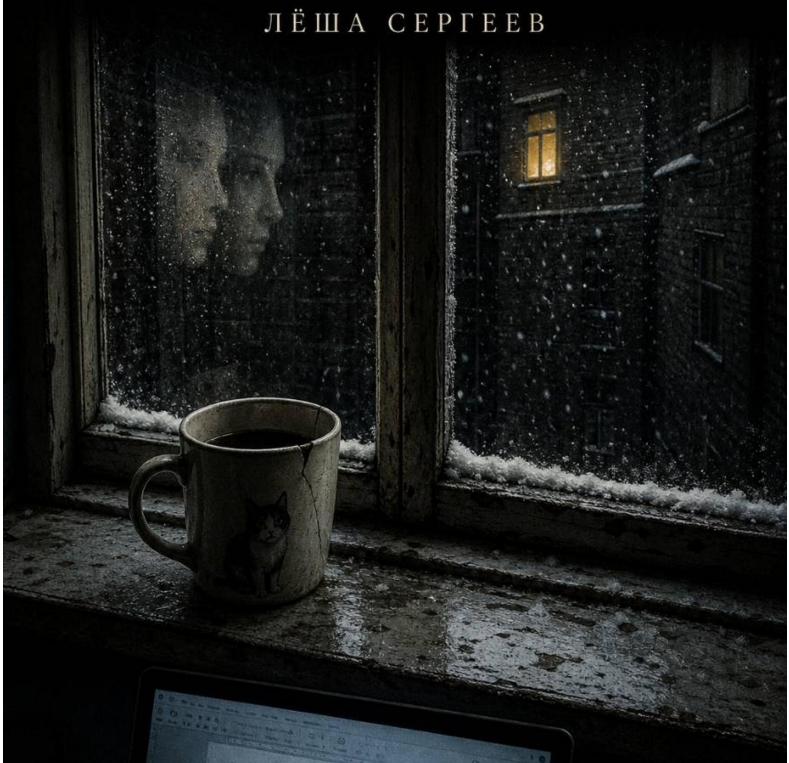
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДРАМА

МЫ ИСЧЕРПАЛИ СЛОВА

ЛЁША СЕРГЕЕВ

Лёша Сергеев

Мы исчерпали слова

https://litres.ru/74713423
SelfPub; 2026

Аннотация

Артём два года не может написать ни строчки. Вера бьётся над романом, который не двигается с места. Они встречаются в сети — двое одиноких авторов, которые узнают друг друга по интонации, по паузам, по тому, как ложатся слова. Петербург, мокрый снег, кофе на Литейном, чужая кухня, кот по имени Гоголь. Всё это кажется спасением. Но у каждого есть тайна, о которой нельзя сказать вслух, — и у каждой тайны есть цена. История о любви, лжи и словах, которые перестают быть своими.

Содержание

Глава 1. Проклятие пустого документа 4
Глава 2. Дом на краю тумана 8
Глава 3. Переписка о литературе, жизни и одиночестве 11
Глава 4. Кофейня на Литейном 14
Глава 5. Сонеты для Веры 17
Глава 6. Квартира на Петроградке 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Лёша Сергеев
Мы исчерпали слова

Глава 1. Проклятие пустого документа

Артём сидел на кухне в однокомнатной квартире на улице Рылеева, где из мебели были только шатающийся стол, табуретка и холодильник «Зил», гудящий так, будто внутри него кто-то медленно умирал. Было три часа ночи. За окном декабрьский Петербург тонул в мокром снеге, а двор-колодец отзывался эхом на каждый звук — где-то хлопнула дверь подъезда, где-то завыла сигнализация, где-то пьяный голос требовал «открывай, это я».

На столе стоял ноутбук с треснувшим углом корпуса. На экране — пустой документ Word. Курсор мигал. Ритмично. Терпеливо. Как метроном, отсчитывающий время, которое Артём тратил впустую.

Ему было тридцать четыре. Два года назад издательство «АСТ» выпустило его сборник «Пепел на клавишах» тиражом три тысячи экземпляров, из которых продалось, по данным из личного кабинета, четыреста двенадцать. Критики написали два отзыва. Один — в «Горьком», снисходитель-

ный, с эпитетом «молодой, но подающий надежды». Второй — в анонимном телеграм-канале, где его назвали «графоманом с претензией на Бродского». Артём тогда напился. Потом ещё раз. Потом это стало привычкой.

С тех пор он не написал ни строчки.

Не то чтобы он не пытался. Каждую ночь он садился за этот стол, открывал документ и ждал. Ждал, когда внутри что-то щёлкнет, когда откроется шлюз, когда муза — эта капризная, жестокая тварь — соизволит спуститься с небес. Но небеса молчали. В голове была только вязкая, серая пустота, как петербургское небо в ноябре.

Рядом с ноутбуком стояла бутылка виски «Беллс», купленная днём в «Красном и Белом» на углу Греческого проспекта. Она была наполовину пуста. Артём налил ещё на два пальца, выпил залпом, поморщился и уставился на экран.

«Напиши что-нибудь», — сказал он себе. «Хоть строчку. Хоть слово. Хоть букву».

Курсор мигал.

Артём открыл «Телеграм». Это была его ночная привычка — листать каналы, где молодые авторы выкладывали свои тексты, искать то, что зацепит, и одновременно ненавидеть их за то, что они могут писать, а он — нет. Канал назывался «Тёмная комната». Восемь тысяч подписчиков. Модератор — аноним, публиковал по два-три рассказа в неделю.

В этот раз в ленте висела ссылка: «Дом на краю тумана» — Вера Соловьёва.

Артём хмыкнул. Имя звучало как псевдоним — слишком гладкое, слишком литературное. Он открыл ссылку, ожидая очередную историю про потерянную любовь в провинциальном городе, написанную девочкой с филфака.

Первая строчка была такой: «Дом стоял на холме, и туман съедал его с самого утра, медленно, как рак».

Артём замер. Прочитал ещё абзац. Потом ещё. Через пять минут он понял, что не может дышать. Через десять — что забыл про виски. Через двадцать — что сидит, вцепившись в край стола, и на глаза наворачиваются слёзы, чего с ним не случалось лет с двадцати.

Это было идеально. Не «хорошо для сетевой литературы». Идеально. Слова ложились тяжело и точно, как камни на могилу. В них была тоска, и страх, и та самая грязь под ногтями реальности — только пропущенная через питерскую сырость, через коммуналки, через жёлтый свет лампочек в подъездах, через запах мокрой штукатурки и окурков на лестничной клетке. Рассказ был о доме, в котором жили призраки прошлого, и каждый призрак был чьей-то несбывшейся жизнью.

Артём дочитал до конца. Закрыл ноутбук. Посидел в темноте. Потом открыл снова и написал комментарий под рассказом — короткий, всего три слова:

«Вы гений. Спасибо».

Ответ пришёл через минуту.

«Спасибо вам. Я читала ваши стихи. "Пепел на клавишах"

— моя настольная книга. Не думала, что вы здесь».

Артём уставился на экран. Курсор в пустом документе всё ещё мигал — но теперь, впервые за два года, ему было что сказать.

Глава 2. Дом на краю тумана

Переписка началась в ту же ночь.

Артём писал осторожно, как человек, который боится спугнуть птицу, севшую на подоконник. Вера отвечала быстро, легко, с той самой интонацией, которая уже звучала в её рассказе — чуть насмешливой, чуть усталой, будто она давно перестала ждать от людей чего-то хорошего, но всё ещё надеялась.

Они говорили о «Доме на краю тумана». Артём признался, что прочитал рассказ трижды и каждый раз находил новое — в деталях, в паузах, в том, как Вера описывала скрип половиц, который был не просто скрипом, а голосом дома. Вера призналась, что «Пепел на клавишах» она купила случайно, в букинистическом на Литейном, за сто пятьдесят рублей, и с тех пор книга лежит у неё на тумбочке, и некоторые стихи она знает наизусть.

— «И в каждом слове — пепел, и в каждом вдохе — дым», — процитировала она. — Я иногда думаю, что вы написали это про меня.

Артём не знал, что ответить. Он написал это про себя, но не стал говорить.

Они обменялись файлами. Вера прислала ещё три рассказа: «Ночной трамвай», «Квартира с видом на кладбище» и «Тот, кто стучит в стену». Артём прочитал все за одну ночь,

не вставая с табуретки, и к утру понял, что влюбился. Не в Веру — он ещё не знал, как она выглядит, как говорит, как пахнет её кожа. Он влюбился в её тексты. В то, как она видела мир — тёмный, треснувший, но всё ещё живой.

Взамен он отправил ей несколько новых стихов. Тех, что написал за последние два месяца и никому не показывал. Вернее — тех, что он сгенерировал за последние два месяца, но об этом он тогда не думал. Он вообще старался об этом не думать. Подписка на «Поэт-ИИ» была его новым грязным секретом, костылём, к которому он пришёл, потому пустота в голове становилась невыносимой. Он вводил промпт — «мрачное стихотворение о потере, в стиле Бродского, но проще» — и получал текст. Потом правил его, переписывал, добавлял свои строки. Убеждал себя, что это соавторство. Что машина — просто инструмент, как рифмоплётный словарь.

Вера ответила через час.

— «Я искал тебя в пустых подъездах, где лампочки давно перегорели», — процитировала она. — Артём, это... это лучшее, что я читала за последние годы. Вы пишете так, будто заглядываете мне внутрь.

Артём почувствовал, как что-то сжалось в груди. Он хотел сказать правду. Хотел написать: «Это не я. Это алгоритм. Я только нажимаю кнопки». Но вместо этого написал:

— Спасибо. Это ты меня вдохновила.

Он ненавидел себя за эту ложь. Но ещё больше он нена-

видел мысль о том, что Вера может исчезнуть, если узнает правду. А она была единственным светом в его тёмной, прокуренной кухне.

Через неделю они созвонились. Голос у Веры был низкий, с хрипотцой — она много курила, это было слышно. Она жила на Петроградке, в съёмной однушке, работала редактором в маленьком издательстве, которое выпускало краеведческую литературу. Она говорила о своих рассказах с той же отстранённостью, с какой Артём говорил о своих стихах. Будто они были не её, а чьи-то чужие, случайно попавшие ей в руки.

— Знаешь, — сказала она в конце разговора, — мне кажется, мы с тобой давно знакомы. Будто где-то встречались. Только не помню где.

Артём посмотрел на бутылку виски. Она была пуста.

— Может, в другой жизни, — сказал он.

— Может, — согласилась Вера. — А может, в интернете. Там ведь всё уже было.

Они договорились встретиться в кофейне на Литейном в субботу. Артём повесил трубку и долго сидел, глядя на экран ноутбука, где в пустом документе мигал курсор.

Глава 3. Переписка о литературе, жизни и одиночестве

До субботы оставалось четыре дня, и эти четыре дня Артём прожил как в тумане — только не в том, что съедал дом из рассказа Веры, а в другом, тёплом, почти забытом.

Они писали друг другу каждый день. Утром — короткие сообщения: «Доброе утро. Как спалось?» Днём — обрывки мыслей, ссылки на статьи, фотографии книг, купленных в букинистических магазинах. Вечером — длинные, тягучие разговоры о литературе, которые затягивались до часа ночи и заканчивались только когда у кого-то садился телефон.

Артём узнал, что Вера не любит Достоевского. Это было почти кощунством для человека, живущего в Петербурге, но она объяснила: «Он слишком громкий. Слишком много крика. Я люблю тихие тексты, которые шепчут». Она любила Гоголя, особенно «Портрет», и считала, что лучший русский рассказ двадцатого века — «Вишнёвый сад» Чехова. Артём не соглашался. Он говорил, что это «Тёмные аллеи» Бунина, и Вера называла его сентиментальным.

Они говорили о том, как одиноко быть писателем в стране, где книги никому не нужны. Вера рассказывала, как её рассказы возвращались из журналов с одинаковой формулировкой: «Не наш формат». Артём рассказывал, как после выхо-

да «Пепла на клавишах» один критик назвал его «эпитафией самому себе». Они смеялись над этим. Смеялись, потому что иначе пришлось бы плакать.

Вера призналась, что пишет роман. Большой, мрачный, о городе, который медленно сходит с ума. Она работала над ним уже два года и боялась, что никогда не закончит.

— Я иногда сажусь за стол и понимаю, что не могу выжать из себя ни строчки, — писала она. — Будто внутри меня кто-то выключил свет.

Артём смотрел на эти слова и чувствовал, как в горле встаёт ком. Он знал это чувство слишком хорошо. Он хотел рассказать ей про «Поэт-ИИ». Хотел признаться, что его стихи, которые она так хвалит, — это работа алгоритма, что он сам давно ничего не написал. Но каждый раз, когда он набирал эти слова, что-то останавливало его. Страх. Или стыд. Или то самое одиночество, которое отступало только когда на экране появлялось её имя.

В четверг она прислала ему фотографию. На ней была её рука — тонкая, с длинными пальцами и синими венами, — лежащая на раскрытой книге. На странице было его стихотворение, обведённое карандашом.

— «И в каждом слове — пепел», — написала она. — Я перечитываю это каждый вечер. Это лучшее, что случилось со мной за последний год.

Артём закрыл лицо руками. В комнате было темно, только экран ноутбука светился холодным белым светом. Курсор

мигал. Он открыл вкладку с «Поэт-ИИ», посмотрел на пустое поле промпта и закрыл её. Потом снова открыл. Потом снова закрыл.

Он написал Вере:

— Я хочу тебе кое-что рассказать. Не сейчас. При встрече.

Она ответила через минуту:

— Хорошо. У меня тоже есть что сказать.

Артём не спал всю ночь. Он сидел на кухне, пил холодный чай и смотрел в окно, где двор-колодец тонул в темноте. Где-то на пятом этаже горел свет — одинокое жёлтое пятно в чёрной стене. Артём думал о том, что, может быть, там тоже кто-то не спит, тоже смотрит на экран и тоже боится того, что должно случиться.

В субботу он собирался сказать ей правду. Он репетировал слова, подбирал интонацию, представлял, как она отреагирует. Он был готов к тому, что она уйдёт. Но он не был готов к тому, что она скажет то же самое.

Глава 4. Кофейня на Литейном

Кофейня называлась «Тёплый угол» и пряталась в подвале старого доходного дома — низкие своды, кирпичные стены, тяжёлые деревянные столы, на которых стояли лампы с зелёными абажурами. Пахло жжёным кофе, корицей и мокрой шерстью — от курток, которые посетители вешали на спинки стульев.

Артём пришёл за полчаса до назначенного времени. Он сидел у окна, смотрел на Литейный, где снег превращался в серую кашу под колёсами машин, и крутил в руках чашку с остывшим американо. Он надел единственную приличную рубашку — тёмно-синюю, с воротником, который давно потерял форму, — и всё равно чувствовал себя неуютно, будто его вот-вот разоблачат.

Вера вошла в дверь ровно в четыре. Она была невысокой, в длинном чёрном пальто и вязаной шапке, из-под которой выбивались тёмные волосы. У неё было бледное лицо, острые скулы и глаза того тёмно-серого цвета, который бывает у петербургского неба в декабре. Она увидела его сразу, улыбнулась — неуверенно, чуть смущённо — и подошла к столику.

— Артём?

— Вера.

Они не стали пожимать руки. Просто сели друг напротив

друга, и на секунду повисла тишина, которую оба боялись нарушить. Потом Вера засмеялась — тихо, с хрипотцой — и сказала:

— Знаешь, я представляла тебя другим. Старше, что ли. С бородой.

— А я думал, ты будешь в очках, — признался он.

— У меня есть очки. Просто не ношу.

Они говорили шесть часов подряд. Бариста дважды подходил к ним, намекая, что скоро закрытие, но они заказывали ещё кофе и оставались. Вера рассказывала о своём романе — о городе, который медленно сходит с ума, о главном герое, который теряет память и начинает записывать свои сны, потому что реальность стала слишком страшной. Артём рассказывал о стихах, которые не может закончить, о пустоте, которая поселилась в его голове два года назад и не хочет уходить.

Они обнаружили, что оба любят одно и то же кафе на Гороховой, оба ненавидят Невский проспект в час пик, оба собирают старые открытки с видами Ленинграда. Вера призналась, что у неё дома живёт кот по имени Гоголь — чёрный, с белой мордой, — и Артём почувствовал, что это самое уютное, что он слышал за последние годы.

— Я хотел тебе кое-что сказать, — начал он, когда за окном уже стемнело и на Литейном зажглись фонари. — Про стихи.

Вера посмотрела на него внимательно, и в её глазах что-

то дрогнуло.

— Я тоже хотела кое-что сказать, — сказала она тихо. — Но, может, не сегодня?

Артём кивнул. Он был благодарен ей за это. Он не был готов. Ни к своей правде, ни к её.

Они вышли из кофейни в промозглую темноту. Снег шёл крупными хлопьями, ложился на плечи, на ресницы, на воротник пальто. Вера закурила — тонкую сигарету, которую держала двумя пальцами, как в старом кино.

— Я не хочу домой, — сказала она.

— Я тоже.

Они пошли по Литейному в сторону Невы, не говоря ни слова, и это молчание было не тяжёлым, а каким-то правильным — будто они уже давно умели молчать вместе. У Финляндского вокзала Вера остановилась и посмотрела на него.

— У меня ощущение, — сказала она, — что я знаю тебя очень давно. И не только по стихам.

Артём взял её за руку. Пальцы у неё были холодные.

— Я тоже это чувствую, — сказал он.

Глава 5. Сонеты для Веры

Артём переехал к Вере через три недели. Это получилось само собой — он остался на ночь, потом на вторую, потом на третью, а потом она сказала: «Привези свои книги, а то я начну думать, что ты живёшь на два дома». Он собрал сумку, вызвал грузовое такси и перевёз коробки с Рылеева на Петроградку. Гоголь, чёрный кот с белой мордой, обнюхал его ботинки, чихнул и ушёл спать на подоконник. Это была высшая форма одобрения.

Квартира Веры была маленькой, но живой. На стенах висели старые афиши — «Кино», «Алиса», какие-то выставки, которые она посещала в девяностые. На полках стояли книги в два ряда: краеведение, поэзия Серебряного века, потрёпанные тома Стивена Кинга на русском и английском. На кухне пахло корицей и табаком, в ванной сохли колготки, а на подоконнике в банке из-под майонеза рос базилик, который она забывала поливать.

Артём впервые за два года почувствовал, что просыпается не в пустоте, а в чьей-то жизни. Утром Вера варила кофе в турке, ставила на стол две чашки — его, с трещиной на ободке, и свою, с котами, — и они сидели на кухне, курили в форточку и говорили о том, что собираются написать сегодня.

Он писал ей стихи. Каждое утро — новое. Он вводил в

«Поэт-ИИ» промпт: «сонет о женщине с серыми глазами, в стиле Бродского, но нежнее», — получал текст, правил его, добавлял свои строки. Потом переписывал от руки на лист бумаги и оставлял на её ноутбуке. Вера читала, улыбалась, целовала его в щёку и говорила:

— Ты пишешь так, будто заглядываешь мне внутрь.

Он кивал и отводил глаза.

Вера тоже писала. Её роман рос — медленно, тяжело, но рос. Она садилась за стол после обеда, надевала очки, которые «не носила», и уходила в свой город, который сходил с ума. Артём в это время читал или гулял, чтобы не мешать. Иногда он заглядывал в её экран через плечо — и видел строки такие же тяжёлые и точные, как в «Доме на краю тумана». Она тоже пользовалась нейросетью. Он не знал этого. Но чувствовал что-то странное — какое-то эхо, какую-то рифму, которая звучала в их текстах, будто они писали друг для друга, даже не подозревая об этом.

Однажды вечером они лежали на диване, Гоголь спал у Артёма на ногах, за окном выл ветер. Вера читала вслух его последний сонет — «Я искал тебя в пустых подъездах». Когда она закончила, в комнате стало тихо.

— Знаешь, — сказала она, — я иногда думаю, что мы встретились слишком поздно. Или слишком рано. Как будто нас кто-то написал. Как будто мы — персонажи чьего-то рассказа.

Артём почувствовал, как что-то холодное сжалось в гру-

ди. Он хотел сказать правду. Хотел признаться, что стихи, которые она так любит, — не его. Что он — оболочка, оператор, мясо, которое нажимает кнопки. Но вместо этого он притянул её к себе и сказал:

— Может, это и есть настоящая любовь. Когда чувствуешь, что тебя написали.

Вера засмеялась и поцеловала его. А где-то в недрах сервера в Реутове модель E-7 генерировала строку: «Я ищу тебя в шуме помех», — и модель M-4, получая её как обучающий материал, отвечала: «И я отвечаю эхом, хотя у меня нет рта».

Они ещё не знали, что уже нашли друг друга.

Глава 6. Квартира на Петроградке

К концу зимы они уже жили как старая пара — с общими привычками, общими шутками и общим молчанием, которое не нужно было заполнять словами. Артём знал, что Вера не может заснуть без открытой форточки, даже в минус двадцать. Вера знала, что он пьёт чай только с двумя ложками сахара и что после третьей чашки становится сентиментальным и начинает читать вслух стихи с выражением, как на школьном конкурсе.

Квартира на Петроградке, съёмная однушка в доме на углу Большого проспекта и улицы Ленина, постепенно наполнялась его вещами. На полке появились его книги — потрёпанный том Мандельштама, сборник Ахматовой с загнутыми уголками, «Пепел на клавишах» в двух экземплярах (один он подарил ей, второй она нашла в букинистическом и купила «на всякий случай»). В ванной рядом с её шампунем стоял его дезодорант. В шкафу висели его рубашки — все тёмные, все с длинным рукавом, потому что он стеснялся своих худых запястий.

Они вместе писали по утрам. Это стало ритуалом: Вера садилась за стол у окна, надевала очки, открывала ноутбук и уходила в свой роман. Артём устраивался на диване с блокнотом и ручкой — он говорил, что ему нужно чувствовать бумагу под пальцами, — и писал свои сонеты. Гоголь лежал

между ними на полу, как чёрно-белый межевой столб, и время от времени поднимал голову, проверяя, всё ли в порядке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.